

И. Н. Сиземская

<https://orcid.org/0000-0002-9415-9164>

Провинция как социально-культурный феномен в творчестве М. Горького

В статье И. Н. Сиземской провинция рассматривается как исторически сформировавшийся социально-культурный феномен российского общества, характерными чертами которого являются образ мысли и способ отношения человека к окружающему миру, ограничивающие его жизнь узкими интересами индивидуального бытия. Сегодня проблема провинции включает комплекс вопросов, связанных с задачами сохранения целостности национального самосознания, преодоления социального разделения отечественной культуры по принципу «центр» и «периферия», с поиском адекватных способов их единения на основе сближения национальных и общечеловеческих духовно-нравственных ценностей. Автор считает, что в таком проблемном поле понятие «провинция» обретает социально-философский смысл, становится концептом философско-исторической интерпретации диалектики взаимосвязи прошлого и настоящего российской культуры и государственности. В его рамках актуальным является интерес к способности провинции сопротивляться унификации образа жизни и культуры, сохраняя при этом наработанный историей культурный материал для движения общества по восходящему вектору развития человеческой цивилизации. Авторское обращение к творческому наследию Максима Горького, для которого тема провинции была доминирующей, дало новый материал для осмысления проблемы в таком методологическом ключе. Главным объектом исследовательского интереса для автора стал «Окуровский цикл» Максима Горького: «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», неоконченная повесть «Большая любовь», ставший для него философско-этическим осмыслением консервативных устоев жизни и способов их преодоления следующим поколением. В этом цикле провинция предстает «социальным пространством, выпавшим из времени», а описание провинциальной, «сонной одури» доводит до осознания, что созерцательно-пассивное отношение к миру и происходящим событиям подводит человека к черте, за которой жизненные ценности и устремления утрачивают свою значимость и позитивный смысл. Как показано в статье, обращение к литературному наследию М. Горького дает большой материал для рассмотрения проблемы провинции в соотнесении с ключевыми вопросами развития современного российского общества.

Ключевые слова: провинция, культурный центр, государственный бюрократизм, провинциализм, мещанство, индивидуализм, национальное самосознание, культура, просвещение, духовное развитие личности, культурная децентрализация, творчество Горького.

I. N. Sizemskaya

Province as a Socio-Cultural Phenomenon in M. Gorky's Works

In I. N. Sizemskaya's article the province is considered as a historically formed socio-cultural phenomenon of the Russian society, the characteristic features of which are the way of thinking and the way of human attitude to the world, limiting his life narrow interests of individual existence. Today, the problem of the province includes a set of issues related to the tasks of preserving the integrity of national consciousness, overcoming the social division of national culture on the principle of «center» and «periphery», with the search for adequate ways of their unity on the basis of convergence of national and universal spiritual and moral values. The author believes that in such a problematic field the concept of «province» acquires a socio-philosophical meaning, becomes a concept of philosophical and historical interpretation of the dialectics of the relationship between the past and the present of Russian culture and statehood. Within its framework, there is an actual interest in the ability of the province to resist the unification of lifestyle and culture, while maintaining the cultural material developed by history for the movement of society in the upward vector of the human civilization development. The author's appeal to the creative heritage of Maxim Gorky, for whom the theme of the province was dominant, gave a new material for understanding the problem in such a methodological way. The main object of research interest for the author was «Okurov cycle» by Maxim Gorky: «the Town of Okurov», «the Life of Matvey Kozhemyakin», unfinished story «Great love», which became for him a philosophical and ethical understanding of the conservative foundations of life and ways to overcome them by the next generation. In this cycle, the province appears to be a «social space that has fallen out of time», and the description of the provincial, «sleepy stupor» brought to the realization that the contemplative-passive attitude to the world and the events, that are taking place, brings a person to the line, beyond which the life values and aspirations lose their significance and the positive meaning. As it is shown in the article, the reference to the literary heritage of M. Gorky gives a great material for the consideration of the problem of the province in relation to the key issues of the modern Russian society development.

Keywords: province, cultural center, state bureaucracy, provincialism, philistinism, individualism, national identity, culture, enlightenment, spiritual development of the individual, cultural decentralization, creativity of Gorky.

Истинный центр не в столице и не в провинции, не в верхнем и не в нижнем слое, а в глубине всякой личности.

Н. А. Бердяев

В наши дни тема российской провинции стала предметом интереса для исследователей разного профиля – литературоведов, культурологов, социологов, политологов, философов. Об этом свидетельствуют многочисленные обсуждения на страницах журналов и монографий, на научных конференциях, выявивших многозначность и многоплановость связанных с ней проблем. Главной причиной интереса к теме стало активное вторжение провинции в политическую, экономическую и культурную жизнь столицы и больших городов при одновременном, порой неоднозначном, влиянии последних на жизненный уклад, ценностные ориентации, отношение к устоявшимся традициям жителей периферийных окраин. Другой причиной актуализации темы стало изменение сложившихся представлений о самой провинции на фоне модернизационных процессов, охвативших буквально все сферы жизни общества, расширения межрегиональных связей и демократических преобразований, которые заметно изменили ее социально-культурное лицо. В такой ситуации с необходимостью актуализировалось осмысление провинции как исторически сложившейся реальности, способной в условиях глобализации и ускоренной модернизации притормозить убыстряющийся ход времени с тем, чтобы уберечь и использовать наработанный историей культурный материал в качестве ресурса для движения общества по восходящему вектору.

Тема провинции в контексте современного знания

Сегодня с проблемой провинции связан комплекс вопросов, объединенных общей направленностью на сохранение целостности национального самосознания, на преодоление разделения отечественной культуры по принципу «центр» и «периферия», на поиск адекватных способов их *единения* на основе сближения национальных и общечеловеческих духовно-нравственных ценностей. В таком проблемном поле понятие «провинция» обретает социально-философский смысл, становится концептом философско-исторической интерпретации диалектики взаимосвязи прошлого и настоящего российской культуры и государственности. Очевидно, что, как подчеркивал в свое время Н. А. Бердяев (тоже на переломе эпох и ускорен-

ных социальных трансформаций), одинаково ложным является и столичный центрзм и региональный провинциализм, поскольку тот и другой в своей сути есть две стороны одного и того же *разрыва общественной жизни*. «На поверхности национальной жизни всегда будут существовать духовные центры, но не должно это носить характер духовной бюрократизации жизни», – писал Бердяев в «Судьбе России» [1, с. 74]. Управленческий бюрократизм центра и обывательский провинциализм причинно обуславливают друг друга. Вот почему обсуждаемую сегодня проблему культурной и политической децентрализации нельзя понимать как внешнее движение от столицы к географическим окраинам страны, осуществляемое лишь через средства технического прогресса, развитие СМИ, общие формы экономического роста. Проблема состоит в том, чтобы процесс децентрализации стал, с одной стороны, преодолением бюрократического давления со стороны верховной власти на провинцию, а с другой – изживанием провинциализма как особого психологического и культурного состояния человека.

Какими средствами и способами придать ускорение этому процессу, должна показать практика, но очевидно, что он должен осуществляться на общей основе культурного и духовного развития народа, ибо «истинный центр всегда ведь может быть обретен лишь внутри человека, а не вне его» [1, с. 72]. В этом состояла и состоит суть проблемы.

Творческое наследие М. Горького, для которого тема провинции является не только сквозной, но и доминирующей, дает богатый материал для осмысления проблемы в этом ключе.

Конечно, Горький не был «открывателем» темы провинции. Начиная с Д. И. Фонвизина обращение к последней как специфическому феномену социальной, политической и культурной жизни российского общества было традиционным для отечественной общественной мысли, публицистики и особенно литературного творчества. С середины 30-х гг. XIX в. образ провинции стал входить в общественное сознание *на правах* особой культурной среды, диктующей человеку свои принципы индивидуальной и общественной жизни, формирующей свои стандарты и нормы социального поведения, свое отношение к знанию и образованию. Эти стандарты и нормы, как скоро стало очевидно, далеко не всегда несли с собой позитивный смысл. Отдаленные на тысячи верст от Москвы и Санкт-Петербурга небольшие

уездные города, а их в России были сотни, стали средой, сопротивлявшейся нововведениям и пытавшейся *приостановить ход времени*. В этом своем качестве они стали объектом обличения как оплота невежества, обывательщины повседневной жизни, семейного домостроя, косности устоявшихся представлений о мире за пределами собственного жизненного существования. Именно такой провинция предстает в творчестве Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лескова, Н. А. Островского. Ее символом становится уездный город N, «от которого хоть три года скачи – до границы не доскачешь» (Гоголь). Да и зачем скакать? Ничего интересного там не увидишь, разве что людей с песьими головами, как были уверены сценические персонажи Островского.

Но иногда образ провинции окрашивался в литературе красками жизни, хранящей в себе изжитые двумя столицами искренность и яркость чувств, способность к самоотверженной жертвенности, к протесту против лицемерия в любви и дружбе. (Можно вспомнить образы Ивана Флягина, Катерины Измайловой у Лескова, Катерины у Островского, Лизы Калитиной у Тургенева.) Эта двойственная окраска провинциальной жизни невольно наделяла ее свойствами, говоря современным языком, «стабилизирующего механизма», усиливающего жизнеспособность и самой провинции, и столичных Центров. В наши дни мы найдем объяснение этому свойству в контексте синергетических идей современного знания, согласно которым в любой развивающейся системе заложены «мобилизующий» и «стабилизирующий» механизмы, обеспечивающие своей симметричной дополняемостью одновременное обновление системы и сохранение ею своих «исходных» качеств. Конкретное наполнение диалектики этой взаимодополняемости, а в нашем рассмотрении – зависимости провинции от Центра, определялось каждый раз ходом исторических событий, подтверждением чему является развитие таких культурных центров на российском пространстве, как новгородский, суздальский, псковский, владимирский, вологодский.

С середины XIX в. в общественное сознание входит понятие провинциализма, с которым стал ассоциироваться образ мысли и социального поведения численно выросшего слоя небогатых горожан, называвшихся в России мещанами. (Мещанство было одним из четырех сословий российского общества, узаконенным после губернской реформы 1775 г. и существовавшим до

1917 г. В отличие от высшего городского сословия (купцов и почетных граждан), мещане платили подушную подать, могли подвергаться телесным наказаниям, рекрутской повинности. Принадлежность к мещанству наследовалась, но разбогатевшие мещане могли переходить в купечество, а купцы, разоряясь, становились мещанами.) А. И. Герцен придал термину «мещанство» широкий этический смысл, с которым связал поведение и мировоззрение, ориентированные на пассивно-созерцательное отношение к жизни, на неприятие любых перемен в устоявшемся личном бытии. Именно в такой расширительно-этической парадигме вводит в свое творчество феномен провинции и мещанства Горький. Тема провинции является сквозной для всего раннего литературного и сценического творчества Горького («Детство», «В людях», «Мои университеты», «Горемыка Павел», «Трое», «Дело Артамоновых», «Варвары», «Мещане»), но отдельное, можно сказать, знаковое место она занимает в «Окуровском цикле» писателя.

«Окуровский цикл» М. Горького: литературно-философское осмысление феномена провинции

В 1905 г. в большевистской газете «Новая жизнь» Горький публикует статью «Записки о мещанстве» с резко негативной оценкой его как «строга души», «отрицающего саму жизнь». Горький обличает мещанство как общественную силу, способную задержать развитие российского общества и начавшийся процесс его революционного пробуждения. Позиция мещанина определяется им как устраняющая человека от любых форм социального и тем более политического протеста. Для мещанина настоящее имеет формулу: «достаточно того, что достигнуто». В этом аспекте он в 1910 г. обращается к бытописанию маленького уездного городка и создает «Окуровский цикл», в который вошли повести «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина» и незаконченная повесть «Большая любовь». События, происходящие в первой повести, по времени совпадают с революционными событиями 1905 г., а сама повесть является в том числе ответным размышлением писателя по их поводу; события, описанные в повести «Жизнь Матвея Кожемякина», совпадают с пореформенным временем 60–80-х гг. Завершением Цикла стал роман «Жизнь Клима Самгина» (1913 г.), возвращающий Горького к теме провинции в связи с широким кругом судьбоносных проблем уже предоктябрьского времени.

«Окуровский цикл» – это философско-нравственное осмысление провинциальных устоев жизни и возможных экономических, политических, культурных способов их преодоления следующим поколением. Такой подход, реализованный характерными для творчества Горького художественными средствами, придал теме провинции и мещанства то особое звучание, которое и сегодня остается востребованным и актуальным.

Маленький уездный городок Окуров, пространственно и социально разделенный на Заречье и Шихан, предстает местом «сонной одури» и бесцельного, «почти животного», существования, описание которого доведено до осознания, что такая жизнь приводит человека к черте, за которой исчезают исходные жизненные смыслы. Вот как характеризует это состояние один из главных персонажей повести «Городок Окуров» местный поэт Сима Девушкин:

Позади у нас – леса,
Впереди – болото.
Господи! Помилуй нас!
Жить нам – неохота.
Скушно, тесно, голодно –
Никакой отрады!
Многие живут лет сто –
А зачем их надо? [2, с. 13]

В городке есть свои герои – интеллектуал Яков Тиунов, интеллигент доктор Ряхин, поэт Девушкин, бунтарь, он же герой-любовник, Вавила Бурмистров, местный интеллигент доктор Ряхин, проститутка красавица Глафира Лодка; есть свое, регулярно посещаемое героями повести, увеселительное заведение «фелицатин райшкін» (дом терпимости) и даже свой театр, но жизнь в городке подобна «застойному болоту», затягивает в свою трясиину даже тех, кто имеет против нее защитную «прививку», приобретенную жизненным опытом. Горький рисует страшные картины окуровского быта: всеобщее пьянство, массовые драки «стенка на стенку», затеваемые лишь для того, чтобы «повеселилась душа», семейные ссоры, кончающиеся убийством любимых людей.

Иногда события из жизни городка пародируют революционные события 1905 г., например, сцена разгона мнимой демонстрации, перерастающей в погромное безрассудство, «стражниками на старых костлявых лошадях». Эти сцены в повести не случайны, они сознательно особым образом акцентированы Горьким, который в обывательщине провидчески увидел один из главных

социально-культурных тормозов позитивного вектора будущей революции, угрозу ей со стороны бесшабашных Бурмистровых с их пониманием свободы как «разгула души» и со стороны многомиллионного российского обывателя-мещанина, в котором, по словам признанного умника Тиунова, «все смешано, переболтано, а стержня нет», у которого сердце, подобно маятнику, «качается туда-сюда, обманывая всех, да и себя». Во многих сценах, описанных Горьким, массовый житель городка тоскливо просиживает все свободное время в базарных трактирах и уверен, что «человек не может ни ускорять событий, ни задерживать их, и все, что должно быть – будет, чего не может быть – не будет, как вы ни прыгайте!»

В городке есть неординарные личности (дворник Маркуша, Яков Тиунов, поэт Девушкин, женские героини обеих повестей), стремящиеся понять и принять идеалы «пришлых» (Мансуровой и дяди Марка), но не находящие в себе духовных сил принять эти идеалы, потому что «своя-то душа оказывается ближе», как скажет дворник Маркуша. Особенно светлым является образ юной Любы Матушкиной, которая готова, по ее словам, за добро воевать и плеткой хлестать время, чтобы оно шло скорее, для которой «все хорошее – правда, а дурное – неправда! Очень просто понять!», и даже городок Окуров, пространственно имеющий форму могильного креста, ею видится «милым и смешным, точно игрушечным. Издали, с поля, дома – как грибы, высыпанные из лукошка на меже», – уверяет она [2, с. 467]. Образы этих героев придают мрачному колориту обеих повестей оптимистические краски, опровергая устоявшиеся взгляды, в том числе и самого Горького, на провинцию только как на «звериную глушь», заставляя поверить, что, как говорил Тургенев, для «мыслящего человека нет захолустья».

О повседневной жизни и примечательных событиях Окурова мы узнаем из дневниковых записей, которые ведет главный герой – Матвей Кожемякин, ставший у писателя символическим образом русского мещанина, вся жизнь которого есть постоянные метания между двумя жизненными позициями – ленивым созерцанием и пассивным неприятием провинциального образа жизни, тягой к разумному, доброму и изменой этим идеалам, между скованным скукой умом и желанием понять то, что происходит вокруг. В итоге – полное одиночество *как нормальное психологическое и эмоциональное состояние души.*

Тема душевного одиночества, несбывшихся жизненных ожиданий, для кого по вине обстоятельств, для кого по причине собственной лени, – это доминирующая тема повести «Жизнь Матвея Кожемякина». Такое значение она приобретает через мастерское описание душевного, психологического состояния героя, которое Горьким достигается через введение в текст его дневниковых записей, полных саморефлексией по поводу прожитой жизни.

Кожемякин – это Обломов другого времени и другой социальной среды. Вся его жизнь прошла под знаком ленивого отношения к тому, что происходило вокруг него, и даже к тому, что касалось любимых им женщин. Он безответно воспринимает убийство отцом красавицы Палаги, своей первой юношеской любви, отъезд из города Мансуровой, стремление к близости с которой окрасило новым светом все его существование. Он не предпринимает никаких попыток вмешаться в ход событий даже в тех случаях, когда эти события идут против его жизненных устремлений и во вред ему самому. Кожемякин прожил всю сознательную жизнь в кресле у окна (таком же удобном и мягком, как диван Обломова), заставленного комнатными цветами. Его одолевает даже не лень, а, что еще пагубнее, *скука*, которая мешает ему откликнуться на зов сердца, заступиться за любимую женщину, заняться интересующим его делом, самостоятельно использовать накопленный отцом капитал, порвать со средой, в которой он постоянно чувствует себя «белой вороной». Как он признается самому себе, ему всегда было *скучно жить*. И в этом состоит его духовная трагедия. Заканчивая свое повествование-исповедь, Кожемякин, напишет: «...оканчивая воспоминания мои о жизни, столь жестокой и постыдной, с горем скажу, что не единожды чувствовал я, будто некая сила, мягко и неощутимо почти, толкала меня на путь иной ... Но не понял я вовремя наставительных и любовных усилий жизни и сопротивлялся им, ленивый раб, когда же благодатная сила эта все-таки незаметно овладела мною – поздно было» [3, с. 100]. «Надоел я сам себе, никакой жизни не было, – признается он под конец жизни, – так, пустяки да ожидания: не случится ли что хорошее» [3, с. 470].

Вся жизнь героя – именно *ожидание* хорошего, и это – пагубная для человека нравственная позиция, убеждает Горький читателя. Потому что, когда ожидание свершается лишь *волею судьбы*, а не усилиями человека, он не находит в себе духовно-нравственных сил принять испол-

ненное желание, ведь жизненные силы формирует не терпеливое ожидание хорошего, а борьба за него. В противном случае жизнь приобретает обличье «зря прожитой». Именно таковой и увидел ее, вспоминая прожитые годы, Матвей Кожемякин. Чисто интуитивно он тянулся к добру, противился грубой силе, осознавал опасность пассивного поведения для сохранения добрых помыслов, но, по его словам, видел «одни волнения и сцепления бунтующих сил», потому что *никто ему не сказал, «где настоящий путь правды»*. Эти слова, вложенные в уста главного героя, выражали мысль Горького, сформулированную им позже в «Несвоевременных мыслях»: «...в своем “чистом” виде, не связанная с интересами личностей, групп, классов, наций, – правда почти совершенно неудобна для пользования обывателя и неприемлема для него. Таково проклятое свойство “чистой” правды...» [4, с. 3].

Обыватель, даже лучший его представитель, как показал Горький в «Окуровском цикле», все жизненные ситуации меряет, принимает или отвергает, руководствуясь своими, сугубо индивидуалистическими, представлениями о добре и зле, справедливости и несправедливости, произволе и законности, должном и сущем. «Чистую», *то есть общечеловеческую*, правду он просто не понимает и потому не признает, и в этом смысле она для него не существует. В том и состоит ограниченность его души, определяющая с неизбежностью роль обывателя в качестве отрицательного баланса во всех позитивных общественных трансформациях. Что же является противоядием этому состоянию души? «Только культура, научное знание, просвещение и образование», – отвечает Горький, следовавший в творчестве и в жизни гуманистическим идеалам русского Просвещения XIX в. В них он видел главный двигатель общественного развития, в том числе и революции. Накануне октябрьских событий в июле 1917 г. он писал в газете «Новая жизнь»: «Если революция не способна тотчас же развить в стране напряженное культурное строительство, – тогда, с моей точки зрения, революция бесплодна, не имеет смысла, а мы – народ, неспособный к жизни» [4, с. 12]. «Окуровский цикл» был «литературным прообразом» этих «несвоевременных мыслей» писателя. Именно поэтому описание томительной скуки, сонной одури и пошлости жизни в маленьком уездном городке выходит у Горького за рамки простого бытописания, приобретая значимый обобщающий смысл. Писатель предупреждает об укор-

ненности «окуровщины» как «строя души», как типа мировоззрения в сознании многомиллионной массы населения страны и о тех политических, социальных, культурных сложностях, которые встанут по этой причине на пути революции и послереволюционных преобразований, искажив ее истинную цель, подменив энергию творчества и созидания энергией отрицания безрассудного «русского нигилизма».

В статье представлен материал публикации автора, сделанной в издании: Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения. – Ярославль-Москва : РИО ЯГПУ, 2018 [5].

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев : составление и послесловие К. П. Ковалева. – М. : Советский писатель, 1990. – 347 с.
2. Горький, М. Городок Окуров [Текст] / М. Горький // М. Горький. Собрание сочинений : в восемнадцати томах. – Т. 6. – М. : Госиздат художественной литературы, 1961.
3. Горький, М. Жизнь Матвея Кожемякина [Текст] / М. Горький // М. Горький. Собрание сочинений : в восемнадцати томах. – Т. 6. – М. : Госиздат художественной литературы, 1961.
4. М. Горький. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. Рассказы [Текст]. – М. : Современник, 1991. – С. 3–106.
5. Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения : по материалам Российской научной конференции с международным участием [Ярославль, 5–

7 июня 2018 г.] и XV Всероссийской конференции Института философии РАН [Москва, 31 мая 2018 г.]. – Ярославль – Москва : РИО ЯГПУ, 2018. – 403 с.

Reference List

1. Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii = Fate of Russia [Tekst] / N. A. Berdjaev : sostavlenie i posleslovie K. P. Kovaleva. – M. : Sovetskij pisatel', 1990. – 347 s.
2. Gor'kij, M. Gorodok Okurov = Town of Okurov [Tekst] / M. Gor'kij // M. Gor'kij. Sbranie sochinenij : v vosemnadcati tomah = Selected works: in eighteen volumes. – T. 6. – M. : Gosizdat hudozhestvennoj literatury, 1961.
3. Gor'kij, M. Zhizn' Matveja Kozhemyakina = Matvei Kozhemyakin's life [Tekst] / M. Gor'kij // M. Gor'kij. Sbranie sochinenij : v vosemnadcati tomah = Selected works: in eighteen volumes. – T. 6. – M. : Gosizdat hudozhestvennoj literatury, 1961.
4. M. Gor'kij. Nesvoevremennye mysli. Zametki o revoljucii i kul'ture. Rasskazy = Untimely thoughts. Notes about revolution and culture. Stories [Tekst]. – M. : Sovremennik, 1991. – S. 3–106.
5. Problemy rossijskogo samosoznanija: Maksim Gor'kij i russkaja provincija. K 150-letiju so dnja rozhdenija : po materialam Rossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Jaroslavl', 5–7 ijunja 2018 g.] i XV Vserossijskoj konferencii Instituta filosofii RAN [Moskva, 31 maja 2018 g.] = Problems of the Russian consciousness: Maxim Gorky and Russian province. To the 150 anniversary since birth: on materials of the Russian scientific conference with the international participation [Jaroslavl, on June 5–7, 2018] and the XV All-Russian conference of the Institute of philosophy of RAS [Moscow, on May 31, 2018]. – Jaroslavl' – Moskva : RIO JaGPU, 2018. – 403 s.